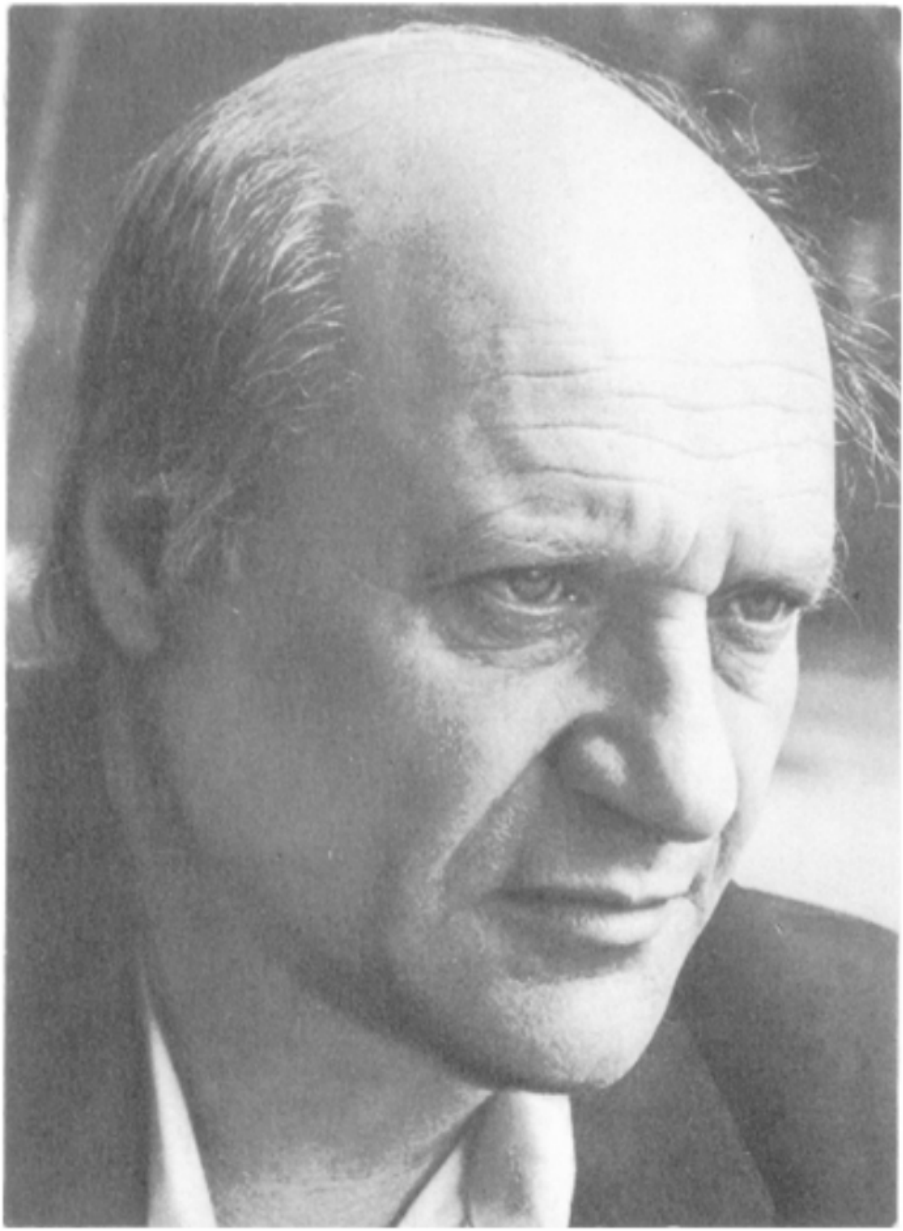

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Мы,— заявлял один из тринадцати,— торжественно поклялись, что никто и никогда не узнает наших имен... Мы основали лигу, род ассоциации, управляемой тайно и неизвестной даже полиции, которой, впрочем, и без того многое остается неизвестным».

- Юрий Давыдов
- 1. Скандал в благородном семействе
- 2. Тринадцать неизвестных
- 3. «Т. А. С. Л.»
- 4. Пыль в глаза или все-таки «нечто»!
- 5. «Добровольные полицианты»

Юрий Давыдов
НИКТО НЕ УЗНАЕТ НАШИХ ИМЕН

1. Скандал в благородном семействе

Некое «неустановленное лицо» — есть такая интригующая пометка на архивных документах — записало со слов генерал-адъютанта Рылеева:

«Государь сказывал, что мать будущей Юрьевской вышла к нему на одной из станций южных дорог и стала жаловаться на свое расстроенное состояние, прибавляя, что у нее в Петербурге, в Смольном, дочь, которая останется бесприданницей. «Окажите, ваше величество, ей милость!..» Государь говорил, что он давно забыл об этом и вспомнил только при каком-то посещении Смольного института. Она ему сразу понравилась, и при дальнейшем посещении он заключил, что она его полюбила. «Но клянусь, что я не касался до нее до тех пор, пока доктора не предъявили мне, что она зачахнет от любви».

А. М. Рылееву можно, пожалуй, верить. Труднее верить ссылке Александра II на диагноз медиков. Не станем томить читателя: «будущая Юрьевская» не зачахла.

Ее звали Екатериной. Урожденная Долгорукая, она — находка для беллетриста, склонного описывать альковные приключения. Такой беллетрист волен черпать полные, хотя и мутные, пригоршни из книжки, посвященной любви могущественного монарха и княжны-бесприданницы, написанной на досуге Морисом Палеологом, тем самым Палеологом, который представлял Францию при последнем Романове.

Задолго до рождения Долгорукой пятикратные пушечные выстрелы Петропавловской крепости возвестили бракосочетание великого князя Александра с принцессой Марией Гессен-Дармштадтской. Певчие придворной церкви запели «Господи, силою твоею возвеселится царь», и Николай I повел к аналою «высокобрачующихся».

Когда «будущая Юрьевская» еще была в пеленках, означенная чета уже обзавелась детьми. А когда «будущая Юрьевская» танцевала полонез на институтских балах, великий князь Александр, сделавшийся Александром II, не испытывал уже к своей болезненной супруге ничего, кроме холодной сдержанности.

И сама Екатерина Долгорукая, и ее родственники принадлежали к тем громким фамилиям, которых на перевале века — и чем дальше, тем круче — обирал «чумазый». Но царским велением с Екатериной Долгорукой дело обернулось иначе.

Она поселилась в Зимнем. Ее назначили фрейлиной. У нее

появился банковский счет, вилла в Ливадии и прочее, прочее, прочее.

Шли годы. У «будущей Юрьевской» рождались дети. Секрет адюльтера стал секретом полишинеля. Но оставалась тирания этикета, приходилось блюсти приличия. Впрочем, это не препятствовало Долгорукой, пользуясь высочайшим покровительством, брать взятки. Было и еще одно утешение: царь обещал княжне подвенечное платье, как только он «освободится» от императрицы, а та день ото дня угасала...

Майским утром 1880 года к Собственному подъезду Зимнего дворца подкатили две кареты, сопровождаемые всадниками конвоя: -Александр II приехал из Царского Села, его сын — с Елагина острова.

Императрица приказала долго жить. В дневнике наследника записано: «Что было страшно тяжело, это сейчас же после надо было присутствовать у папа за докладом военного министра, как будто ничего и не было! Не понимаю, как папа мог выдержать доклад и выслушивать в продолжение целого часа совершенно пустячные бумаги!»

Еще и сапог не износив и едва ли сорокоуст отчитав, Александр II обвенчался с княжной. Генеалогия, ушлая служанка августейших особ, отыскала в числе ее предков Мономахова сына Юрия, и Долгорукую нарекли светлейшей княгиней Юрьевской.

Александр II, женившись, вознамерился короновать жену. Брак морганатический? Да, но есть прецендент: Петр I и Екатерина I. И вот некий чиновник отбыл в первопрестольную, дабы выудить из архива церемониал коронования Марты Скавронской в 1724 году.

А пока царь желал хранить в тайне таинство своего второго брака. Однако уже несколько дней спустя это стало достоянием улицы. Там расценили «событие» философически: «Матушка-царица померла, делать нечего — повенчался с другой».

Но когда Александр II представил свою супругу наследнику, тот отметил в дневнике: «Новость была неожиданна и странна». Потом выразился так: «Просто не знаешь, где находишься», «положительно мысли путались». И совсем потерял голову, узнав о намеченном короновании мачехи, объявил, что уедет в Данию, к родственникам цесаревны. В ответ Александр II пригрозил ему лишением престола в пользу Георгия, своего сына от княгини Юрьевской.

Скандал в благородном семействе, хотя и не принимал форму бунта, остро досаждал царю, и он сел писать что-то вроде «объяснительной записки», адресованной императорской фамилии. Писал на листе из старых бумажных запасов с

округлым знаком: «Император Н. I», словно бы звал на подмогу тень грозного батюшки.

2. Тринадцать неизвестных

Дворцовая историйка разыгрывалась за кулисами Истории.

На сцене Истории происходили события истинно драматические.

Было коллективное подвижничество «хождения в народ». Завязалась отчаянная схватка горстки героев с самодержавием. Взлет революционного духа, безоглядность жертвенного порыва революционеров остановили на России «зрачок мира».

В августе 1879 года возникла «Народная воля». В порядок дня был поставлен и «центральный акт» — цареубийство.

Рубеж 70—80-х годов отмечен лихорадочным состоянием элиты. В формуле — «кризис верхов» — не только аспекты политические и административные, но и спектр настроений и чувств.

Смятением дышат страницы дневника будущего Александра III, страницы тетради с толстым кожаным переплетом и металлическим замком: «Просто ужас, что за милое время!», «Господи, дай нам средства и вразуми нас, как действовать! Что нам делать!», «Самые ужасные и отвратительные годы, которые когда-либо проходила Россия — 1879 и начало 1880 г.»

Причитали не в одной лишь Северной Пальмире, но и в белокаменной, где некий граф заносил в свою памятную книжку: «Мы живем как на вулкане. Спаси, господи, Россию от страшного внутреннего зла!» А военный министр сетовал, что многие официальные лица «бездействуют и потакают самым опасным для общественного спокойствия происшествиям».

Однако не все желали «потакать». Нашлись и нежелающие. Нашлись и объединились в августе 1879 года, чуть ли не в день *с* возникновением «Народной воли».

Основоположников-народовольцев было одиннадцать-двенадцать. Они задались целью ниспровергнуть самодержавие и самодержца. Не желавших «потакать» было тринадцать. Они решили «парализовать зло, образовать железный круг около его величества и умереть вместе с ним, если ему суждено погибнуть».

«Мы,— заявлял один из тринадцати,— торжественно поклялись, что никто и никогда не узнает наших имен... Мы основали лигу, род ассоциации, управляемой тайно и неизвестной даже полиции, которой, впрочем, и без того многое остается неизвестным».

Жалобы на плохое состояние политической полиции, как и желание добиться ее высокого профессионализма, тоже одна из примет «кризиса верхов».

После халтуринского взрыва в Зимнем дворце (февраль 1880 года) был призван на спасение династии «варяг» — М. Т. Лорис-Меликов. Граф называл Третье отделение «гнусным учреждением», «нарывом», «пучиной мерзости»... То не был голос совести и сердца, а было недовольство и раздражение администратора, сознававшего необходимость реорганизации сыска. Чтобы управлять тройкой, пусть и чудо-тройкой, надо держать вожжи в одних руках.

Его союзницей в деле совершенствования тайной полиции явилась княгиня Юрьевская. «В этом надо отдать ей полнейшую справедливость,— признавал Лорис-Меликов.— Она подготовила почву и однажды сказала мне: «Теперь говорите государю, я уже говорила ему».

Почему княгиня Юрьевская поддержала Лорис-Меликова? Существует упоминание, что у нее были давние счеты с Третьим отделением: когда-то шеф жандармов, державший сторону императрицы, грозился «истребить» соперницу-«девчонку». Если это и верно, то все-таки слишком невесомо, чтобы определять поведение княгини Юрьевской. Нет, она, лично она, и, вероятно, горячее прочих, жаждала сильной и всепроникающей полиции. Только сохранив царя от покушений террористов, она могла рассчитывать на корону.

В августе 1880 года Третье отделение собственной его величества канцелярии было заменено департаментом полиции министерства внутренних дел, бразды которого принял генерал от кавалерии граф М. Т. Лорис-Меликов.

Тот же аноним из числа тринадцати, письмо которого мы цитировали выше, сомневался в надежности даже «хорошей полиции». Ибо: «Полиция — это институт, где каждый отбывает свою повседневную обязанность, только о ней и думая». Иная статья, подчеркивал аноним, «мы, наши агенты». Ибо: «...все избраны из заклятых врагов социалистов. Полиции бегут нигилисты, нас они не знают и принимают за своих собратьев».

Приведенные строки адресованы княгине Юрьевской. Будучи союзницей Лориса, она приняла и роль посредницы между «Т. А. С. Л.» и Александром II.

3. «Т. А. С. Л.»

Письма, лежащие перед нами, внешне красивы.

Голубоватая бумага; в левом верхнем углу монограмма, увенчанная короной. Чернила плотные, на растворе нигрозина, и, как сказал бы каллиграф, «хорошо сходящие с пера». Слегка наклоненный вправо, «приятный во всех отношениях» почерк человека, привычного к кабинетным занятиям и вполне владеющего французским. Никаких помарок на всех тридцати страницах. На двух из них — увесистая печать красного сургуча того добротного качества, который придает оттиску глянцевитость. На печатях отчетливы и лавровый венок, и звезда с лучами, и крест, похожий на орденский, и надписи: «Т. А. С. Л.», «БОГ И ЦАРЬ», «1879», «СПБ. ОТДЕЛЕНИЕ».

Первое письмо датировано 18 мая 1880 года; последнее — лишь числом и месяцем — 17 декабря. Есть вовсе не датированные, есть с оборванным текстом. Все письма без конвертов. Все начинаются кратким обращением: «Мадам».

Едва перелистав эту таинственную корреспонденцию, определяешь два обстоятельства. Архивная подборка неполна: в одном из писем упомянута некая предыдущая информация, а между тем ее не обнаруживаешь. (Еще досаднее то, что мы не знаем, где письма княгини Юрьевской к этому анониму. А письма были! «Я имел честь получить Ваш любезный ответ»,— свидетельствует аноним, каковой для княгини Юрьевской, конечно, не был анонимом.)

Неизвестный автор принадлежал к «высшим сферам». Это явствует не только из его прямых заявлений, но и из мелочной осведомленности. Так, например, он сообщает княгине Юрьевской, что такая-то депеша, ночная и спешная, «была отправлена на Английскую набережную», а в другом месте называет мадемуазель Шебеко как возможный, так сказать, канал связи.

На Английской набережной квартировал князь М. М. Долгорукий, старший брат княгини Юрьевской; одно время, до переселения в Зимний, она тоже жила в этом особняке. А Варвара Шебеко подвизалась компаньонкой у княгини Юрьевской — дел рачительница, детям — нянька; к тому же один из братьев княгини Юрьевской был женат на сестре В. И. Шебеко.

О чем же сообщал рыцарь с опущенным забралом в своих голубоватых французских письмах? О чем извещал он даму-патронессу, неоднократно напоминая о необходимости хранить все в секрете от всех, кроме государя, и столь же неоднократно

подчеркивая полное доверие «Т. А. С. Л.» к той женщине, чувства которой к царю не могут не внушать высокого уважения?

Возникновение «Т. А. С. Л.» корреспондент княгини Юрьевской объяснял «безмятежной дремотой общества», в то время как «адский мир нигилистов, революционеров, социалистов, коммунистов — этих российских санкюлотов» «раздавался вширь и бурлил на всю Россию».

«Что же делать? Как предупредить мятеж, революцию?» — вопрошал аноним. «В эту годину кризиса», повествует он, тринадцать человек «не впали в общую одурь и решились спасти того, кто слишком хорош для народа, не знающего признательности».

«Название нашей лиги,— писал он позже,— «Тайная антисоциалистическая лига». Наш девиз — «Бог и царь», наш герб — звезда с семью лучами и крестом в центре. Ныне нас насчитывается около двухсот агентов, и число их непрерывно растет во всех уголках России. При желании, мадам, вы могли бы составить представление, хотя и смутное, о нашей лиге, вспомнив об обществе франкмасонов и других подобных обществах и ассоциациях с их девизами и гербами».

Очевидно, «мадам» выразила подобное желание, и аноним не заставил просить себя дважды. Мы приведем его строки не ради иронической улыбки, а потому, что они дают некоторое представление о структуре лиги:

«Великий лигер, два высших лигера и младшие лигеры, деятельные члены, депутаты, секретари канцелярий, агенты администрации — одним словом, вся административная часть лиги (за исключением ее членов) в молчании собираются в большой зале собраний, где происходит молебен. У каждого черные уставные одежды, на груди знак с серебряными лигистскими литерами, у некоторых гербовые знаки на левом рукаве... После молебна исполняются различные церемонии, каковые происходят в молчании, и лица у всех закрыты, ибо, по законам лиги, никто не должен знать, кто именно его непосредственный начальник, дабы избежать уколов самолюбия и предупредить измены. Именно здесь я имел честь сообщить ассамблее милостивейшее слово его величества (Отсюда нетрудно заключить, что письма, посланные княгине Юрьевской, были читаны Александром II и что деятельность лиги, неизвестной официальной полиции, одобрялась царем.— Ю.Д.) В ответ, как знак нижайшего подчинения и признательности, все эти черные фигуры склонились. Затем началось обсуждение. (Очевидно, каких-то очередных дел.— *Ю.Д.*) Под конец, по обычаю, члены лиги и свиты удалились. Лигеры последовали в

полуосвещенный «Черный кабинет», и двери были закрыты. Они (лигеры.— *Ю.Д.)* заняли места вдоль стен, на которых висят гербовые знаки... Все, что решается в «Черном кабинете», неотменимо — скорее Нева потечет в Ладогу, чем не исполнится в назначенный час приказ, здесь данный... Вот, мадам, пример наших церемоний, которые напоминают церемонии обществ, известных в истории, и которые не могут быть иными в лиге, члены которой связаны клятвой».

В посланиях к княгине Юрьевской рассеяны и другие лигистические «организационные моменты». Встречаются упоминания о филиалах в самом Санкт-Петербурге и в других городах европейской России. Агенты обозначаются номерами (даже трехзначными!) и литерами. Есть известие о том, что «под развевающимися знаменами лиги» действует пара великих князей, близкие друзья графа Лорис-Меликова, один из членов подчиненной ему Верховной распорядительной комиссии.

(Сам граф не был взыскан особой милостью лигеров: «Мы хорошо знаем, каков его характер и кто он есть. Это смелый и добрый человек, но малоэнергичный и лишенный талантов, хотя он и споспешествует благу, ибо наделен доброй волей и предан делу (что ныне встречается редко). Однако он не относится к тому роду людей, которых следует назвать железными и из которых состоит наша лига. Не знаю, хватило бы у него духу умереть за благо. Поэтому было бы бесполезно посвящать его в наши тайны и в данный момент причислять к нашей лиге».)

Оставим в стороне «развевающиеся знамена». Обратимся к методам лиги. Увы, они освещены весьма сумеречным светом.

Можно, например, понять, что одним из приемов «железных людей» было (коли было!) проникновение и внедрение в подполье: «Отмечу, мадам, что четверть наших агентов находится среди революционеров»; «...наша лига располагает примерно двумястами особами, которые действуют не силой, но тем не менее способствуют падению социалистов».

Но если и центр «Т. А. С. Л.», и филиалы, и агенты, если все это существовало не только на голубоватой бумаге с монограммой, а «взаправду», то корреспондент княгини Юрьевской должен был отразить в своих письмах не одни лишь «развевающиеся знамена».

4. Пыль в глаза или все-таки «нечто»!

Едва аноним оставляет тривиальности типа «гроза близится», «прилив нарастает», «анархия опрокинет», едва переходит к конкретному, как от его писем шибает враньем.

Вот, скажем, он осведомляет Зимний, что лигеры-де избавили императора от беды, захватив «многие личности», «в частности, двух руководителей». И далее: «Снаряд, о котором я говорил, прибыл прямо из Америки в ящике с ярлыком фирмы швейных машин. Еще в декабре 1880 г. (Ошибка, так как письмо помечено маем 1880 г.— *Ю.Д.)* нам телеграфировали, что русские социалисты состоят в переписке с американскими. Ящики хранились в петербургском магазине, и никто не подозревал об их содержимом».

Судя по всему, «акция» выдалась крупная. И сразу выстраивается вереница «но». Во-первых, мы-то теперь точно знаем, что никаких снарядов народовольцы из-за океана не получали, а изготовляли домашними средствами. Во-вторых, что сталось с захваченными лицами? Их убили? Но сам «великий лигер» заявлял, что лига «никогда не присваивает себе права жизни и смерти», что она не намерена «марать руки в крови». Может быть, пленников передали полиции? Опять-таки сам «великий лигер» всячески отмежевывался от официальной полиции, приносящей «один вред».

Объективности ради приведем пример, который как будто бы свидетельствует о некоторой осведомленности в делах подпольщиков.

В письме — тоже майском, 1880 года — аноним бьет во все колокола: он умоляет княгиню Юрьевскую уговорить царя не ездить на развод караулов в Михайловском манеже.

Почему «великий лигер» лишает монарха излюбленного и привычного удовольствия? А потому, что «возник новый план злодеяния» — на пути к манежу «квартиры заняты» революционерами и, вероятно, будет брошена бомба.

Каждый, кому известны перипетии народовольческой охоты за царем, поневоле насторожится. Да, в начале 1880 года путь к манежу еще не был заминирован, но Исполнительный комитет уже «составил,— как пишет В. Н. Фигнер,— проект снять магазин или лавку на одной из улиц Петербурга, по которым наиболее часто совершался проезд императора; из лавки предполагалось провести мину для взрыва...» Так как царь обязательно должен

был ездить в Михайловский манеж, то магазин искали по улицам, ведущим к нему.

Сохранилась тетрадь начальника государева конвоя капитана К. Ф. Коха, где зафиксированы все маршруты Александра II. Они не изменились и после доноса «великого лигера». Больше того, 1 марта 1881 года полиция осмотрела сырную лавку, из которой шла минная галерея под Малой Садовой. Осмотрела и... ничего не обнаружила.

Да, Александр II случайно не поехал в тот день по Малой Садовой, но не случайно именно в роковом районе манежа его настигла бомба Гриневицкого, и капитан-охранник лучше выдумать не мог, как нарисовать в своей официальной тетради череп с двумя перекрещенными косточками.

Казалось бы, на сей раз «великий лигер» действительно направил указующий перст в самую опасную точку. Однако, заглянув в казенную «Хронику социалистического движения», мы читаем: «Достойно внимания, что анархисты с давних пор обратили внимание на Малую Садовую; это видно из того обстоятельства, что еще в декабре 1879 г. (подчеркнуто нами.—*Ю.Д.)* из-за границы были получены сведения (правда, преждевременно), что в этой столь населенной части города изготовлялись мины».

Итак, полиция знала о «путях к манежу» за полгода до того, как «великий лигер» явил «свою проницательность». Остается догадываться, что источником этой сверхбдительности был разговор с кем-то из высших чинов Третьего отделения. Конечно, в письмах анонима присутствуют блеф, мистификация, пыль. Но присутствует, как нам думается, и нечто весьма серьезное.

Речь идет об Исполнительном комитете «Народной воли».

Пятый параграф ее устава, принятого в Липецке, гласил: «Комитет должен быть невидим и недосягаем». Члены комитета, по свидетельству В. Н. Фигнер, обязывались «ни в сношениях частного и общего характера, ни в официальных актах и заявлениях (то есть на следствии и суде.—*Ю.Д.)* не называть себя членами Исполнительного комитета, а только агентами его». Пополнение производилось без огласки, кооптацией сверху вниз. Разумеется, архисекретной была и численность комитета. Когда один из революционеров спросил члена Исполнительного комитета А. И. Баранникова: «Как велико число членов Исполнительного комитета?» — последний поступил невежливо, зато по уставу: он ничего не ответил.

На вопрос этот ответили другие. Но уже после трагедии, когда занавес опустился.

В. Н. Фигнер: 28 человек.

Л. А. Тихомиров: 26 человек.

А. П. Корба: 17 человек.

Историк В. А. Твардовская определила число членов комитета в 31 человек. Поскольку в разное время в тесной, сплоченной руководящей группе было неодинаковое число находящихся в строю, возьмем за среднее 25 человек.

Существуют сведения и об активных бойцах, готовых по знаку комитета выступить на улицу с оружием в руках: 500 человек. А тех, кто «принадлежал к партии или находился под сильным ее влиянием», было в несколько раз больше.

Все это, повторяем, строжайшие секреты народовольцев.

В письме «великого лигера» численность Исполнительного комитета н а з в а н а: 24 человека. Названо и число активных бойцов: 600 человек! И тут же оговорено: к ним следует прибавить 900, а возможно, и 1500 человек, «которые принадлежат к группам и действуют, как солдаты в бою, согласованно и безостановочно, не считаясь с препятствиями».

Указанное письмо лигера не датировано. Но оно следует за январским 1881 года и еще одним, тоже недатированным. Стало быть, вероятнее всего, писано весной 1881 года. А в феврале того же года Исполнительный комитет, собравшись на конспиративной квартире у Вознесенского моста, как раз и насчитал 500 активных бойцов. Не поразительное ли совпадение фактических данных?

5. «Добровольные полицианты»

Генерал Рылеев, упомянутый выше, отозвался о событии 1 марта 1881 года; курсивы записи, очевидно, передают голосовые модуляции рассказчика:

— Первого марта, после развода в Михайловском манеже, государь пил чай у великой княгини *Екатерины* Михайловны, куда тоже была приглашена княгиня *Екатерина* Михайловна Юрьевская, но не приехала. Убийство совершено на *Екатерининском* канале... Венчание государя с княжной Долгорукой происходило в 3 ч. 30 мин. пополудни; последний вздох погибшего государя произошел в 3 ч. 33 мин. пополудни...

От этого нажима на имя «Екатерина», как и от сопоставления венчания с агонией, отдавало бы примитивной мистикой, если бы в них не сказывалось отношение к княгине Юрьевской, мгновенно утратившей все свое влияние.

Вчерашние лизоблюды рассеялись. Даже Лорис-Меликов, столь многим обязанный княгине Юрьевской, поспешно сподличал, предложив Александру III какую-то темную махинацию с ее деньгами, каковые были немалые — почти три с половиной миллиона.

«Милый Саша» — так княгиня Юрьевская, словно с разбегу, продолжала именовать наследника, а теперь уже венценосца — «милый Саша» на фокус, изобретенный Лорисом, не пошел. Но, понятно, теплых чувств к мачехе он не питал. Особенно крепко, помнилась отцовская угроза отдать престол сыну княгини Юрьевской, резвому и неглупому, но ленивому Гоге.

У Александра III хватало здравого смысла не придавать серьезного значения слухам о том, что мачехой и сводным братцем могут воспользоваться в целях дворцового переворота. (Между тем слух этот был упорным и распространенным. Так, в апреле 1887 года Ф. Энгельс писал Ф. Зорге: «Панслависты хотят посадить на престол сводного брата нынешнего царя, старшего сына Александра II и Долгорукой».) И все же царь косился в сторону европейских курортов, где рассеивала свое горе светлейшая княгиня. Больше того, распорядился об учреждении за нею секретного наблюдения.

Осуществлял надзор обер-шпион, руководитель русской агентуры в Европе П. И. Рачковский. Не трогая пикантных подробностей как самого наблюдения, так и нравственности безутешной вдовы Александра II, укажем, что Рачковский добивался тайного просмотра ее архива. Рачковский был пройдохой, но это ему не удалось. Жаль, весьма жаль. Кто знает,

может быть, бумаги из архива княгини Юрьевской пролили бы свет и на «Тайную лигу»? Где ныне ее архив (княгиня умерла в Ницце, в 1922 году, 75 лет от роду), сохранился ли он — нам неизвестно.

Правда, известны мемуары княгини Юрьевской. Она укрылась за мужским псевдонимом — «Виктор Лаферте». Книжка, как справедливо отметил профессор П. А. Зайончковский, не представляет ценности для историка. Ни ценности, ни достоверности не находили в ее мемуарах и весьма осведомленные современники. А. А. Толстая, сестра министра Д. А. Толстого, хорошо знавшая дворцовые круги, резко опровергла княгиню Юрьевскую в своей брошюре, напечатанной в Париже.

Каким бы пустым ни было сочинение «Виктора Лаферте», а в России оно долго находилось под запретом. «Это объясняется,— писал историк освободительного движения В. Я Богучарский,— не какими-либо крамольными ее, свойствами, а лишь теми особенностями русской жизни, благодаря которым все, касающееся жизни двора (за исключением того, что считается возможным публиковать в «Правительственном вестнике»), не подлежало («ведению»? — *Ю.Д.)* простых смертных».

Для автора настоящей заметки самый большой грех указанных мемуаров состоит в том, что в них нет и словечка о «Тайной лиге», нет даже и намека, над которым стоило бы задуматься.

Между тем задуматься есть резон. Ведь пока княгиня Юрьевская кропала (или диктовала какому-то наемному перу) свои воспоминания, дело, затеянное ее друзьями-лигерами, процветало. Только теперь сообщество не именовалось космополитическим термином, а звалось «Священной дружиной».

Факт давний, непреложный, отмеченный и архивными документами, и мемуаристами, и комментаторами: «Священная дружина» возникла в марте 1881 года, после смерти Александра II. Возникла и была выразительницей реакции с ее зловещим шорохом «совиных крыл» Победоносцева.

Но письма «великого лигера», все, что в той или иной степени, пусть пока и недостаточной, из них выясняется,— не есть ли свидетельство того, что «Священная дружина» продолжательница «Тайной лиги»?

В самом деле, сходство разительное.

Цель — одинаковая: «тайный крестовый поход против врагов порядка», как формулировала «Хроника социалистического движения», «Хроника», кстати сказать, составлена под главной редакцией генерала Шебеко, родного брата В. Шебеко, которая гнездилась подле княгини Юрьевской и о которой писал «великий

лигер».

Закоперщики — если не одни и те же (именного списка лигеров мы покамест не обнаружили), то и там и здесь люди с весом и положением. Структуры — родственные: центр, филиалы, агенты.

Генерал и публицист Р. А. Фадеев, близкий к Александру III, сыграл для «Священной дружины» роль повивальной бабки. Он указывал, что идея «священной дружины» носилась в воздухе еще до «Священной дружины». Можно, пожалуй, добавить, что «идея» не только носилась в воздухе, как нетопырь, но и ползала во тьме и прахе, как рептилия, обернувшаяся «Тайной лигой».

Небезынтересно следующее. П. А. Кропоткин в «Записках революционера» говорит, что для «охраны царя была основана тайная лига». Правда, тут речь о временах Александра III. Но вот что примечательно: Кропоткин различает «Тайную лигу» и «Священную дружину». Может быть, он имел в виду «Добровольную охрану», это дочернее «предприятие» при «Священной дружине», а может быть, что-то слыхал о «Т. А. С. Л.»?

Мы решаемся лишь предполагать следующее: лигеры, в отличие от дружинников, были малочисленны; лигеры, опять-таки в отличие от дружинников, не были связаны с официальной полицией, чурались, избегали ее. И хотя однажды «великий лигер» пожаловался на то, что ассоциация «уже становится достоянием света», она в этом отношении пользовалась, очевидно, большей секретностью, нежели «Священная дружина».

Было бы неверным считать, что даже так называемое общество дружно рукоплескало дружинникам. Нет, иные пожимали плечами. «Неизвестно,— писал один из таких недоумевающих,— что во всей этой затее было более изумительно: то ли, что люди во всех отношениях почтенные, заслуживающие всеобщее уважение, добровольно взяли на себя роль полициантов со всеми ее не всегда красивыми атрибутами, или то, что те же люди находили в этом известного рода удовлетворение, словно дети, взявшие в руки новую игрушку».

Если вполне благонамеренный чиновник говорил о некрасивых «атрибутах», то человек совершенно неблагонамеренный определил дружинников как «Общество частной инициативы спасения» и как «Клуб взволнованных лоботрясов». По «когтям» нетрудно узнать «льва»: Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в «Письмах к тетеньке» и в «Современной идиллии».

1976